

А.П. Ярко

О МЕСТЕ РЕЛИГИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-1930-Е ГОДЫ*

В статье анализируются особенности отношения повседневной культуры мусульман Сибири и Дальнего Востока в 1920-1930-е гг. и государственной политики советского государства, направленной на исключение религии из жизни общества.

Ключевые слова: Сибирь и Дальний Восток. 1920-1930-е гг. Ислам. Повседневная культура и государственная идеология.

A.P. Yarkov

ABOUT THE PLACE OF RELIGION IN EVERYDAY LIFE OF MUSLIMS IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE 1920-1930TH YEARS

This article analyzes the features of relationships everyday culture of the Muslims of Siberia and the Far East in 1920-1940 and public policy of the Soviet State, designed to exclude religion from public life.

Keywords: Siberia and the Far East. 1920-1940. Islam. Everyday culture and State ideology.

Отправная точка данного обзора связана с окончанием Гражданской войны, завершившейся на Дальнем Востоке лишь в 1923 г., а завершающая дата связана с созданием общесоветской системы идеологической и бытовой унификации, подавления инакомыслия, репрессиями.

В начале этого периода партийные и советские органы в Азиатской части РСФСР достаточно индифферентно оценивали место ислама, как, впрочем, и других религий, в жизни общества. Повседневная жизнь вообще находилась «вне поля» их внимания, поскольку предполагалось – по мере строительства коммунизма частная жизнь «сотрётся» в общем быте коммун.

Проявленная иными имамами и верующими поддержка Западно-Сибирского восстания и приграничных конфликтов с участием эмигрантов заставила власти усилить атеистическую пропаганду, хотя не всегда большевики верили в силу религиозного воздействия. Характерно, что секретарь татаро-башкирской секции Уралбюро ЦК ВКП /б/ Утяганов убеждал коммунистов Тюменской губернии в том, что: «Ислам среди татаро-башкир не имеет характера созидательного» [9, ф. 1, оп. 1, д. 727, л. 6].

По мнению партийных деятелей, в борьбе с религиозными заблуждениями необходимо разрушить самую опасную социальную структуру – сельскую общину, тесно связанную с уммой, ограничить влияние имамов на семейный уклад и повседневную жизнь. В результате давления на семью, выведения её главы на уровень «лишенца», утверждённый в 1922 г. в должности имама А. Этбакмасов вскоре сам отказался от неё. И, одновременно, в 1922 г. власти разрешили постройку новой мечети в юртах Иртышатских [7, с. 35], свидетельствуя о желании верующих исповедовать привычное, доставшееся от предков, как и наличии у них скрытых – на уровне семьи, ресурсов.

* Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 18-1-012650 «Кросскультурный штурм-2018».

Относительно легче, несмотря на усилившееся давление, оказалось поддерживать мусульманам духовные традиции в особой административной структуре – национальных сельских советах, созданных в 1920-е гг. в местностях с доминированием соответствующего населения – татарского, бухарского, казахского. Там легче было «проникнуть» в «ячейку общества» – через общие традиции, язык, ритуальную и обыденную культуру.

При этом «новое» население необходимо было встроить в имеющуюся структуру, а при необходимости и изменить её ориентиры. Так, в результате переселения, землеустроительных работ и районирования изменился состав населения в отдельных районах. Например, бывшее татарское селение стало чувашским (по основному составу населения) Петрунькино, а оставшуюся в «наследство» мечеть переоборудовали под школу [10, ф. Р-814, оп. 1, д. 77, л. 2, 17], поставив перед учителями и родителями чувашей-переселенцев трудную задачу – объяснения детям: почему родственные по языку татары исповедуют другую религию, а повседневная жизнь прежних хозяев (отраженная в оставленной в домах и усадьбах) отлична от их?

Этнически гомогенных районов в Сибири и на Дальнем Востоке было немного, но остались существенными конфессиональные предпочтения в характере расселения, в т. ч. при перемещении бежавших от голода. Искавшие спасения были часто набожны, но среди них были и те, кто прошёл Гражданскую войну, стали атеистами и большевиками. На последних стали опираться органы власти, проводя политику в массы. Постепенно советизация проникала и туда. А как раз в то время органы госбезопасности обвиняли мусульман Восточного Забайкалья в связи (через семейно-родственные контакты) с исламскими движениями в Маньчжурии, призывавших к борьбе с большевиками. Очевидно, при перлюстрации переписки органы контроля узнали о том, что в обыденной жизни родственников по обе стороны государственной границы существуют схожие традиции, но в одном случае скрываемые.

В 1920-е гг. фактически разделялись городская и сельская умма, и во многом за счёт приезжих из Европейской части страны и сельской местности: в 1923–1926 гг. население только 30 городов Сибири выросло на 158,9 тыс. чел. [3, с. 282]. Внедрение «социалистического быта» в коммунальные квартиры, бараки на стройках сказалось и на религиозных практиках внутри семьи – их стало вообще невозможно соблюдать, «живя на виду». Проявлять же их, значить подпасть под репрессии.

И всё же в 1926 г. в Сибирском крае проживало 96 тыс. татар и 50 тыс. казахов, большей частью верующие, объединённые в 166 общин со 185 служителями культа [3, с. 667], которые из-за ужесточения внутренней политики были лишены гражданских прав, став «лишенцами». Пострадали и члены их семей, вынужденные скрывать не только вероубеждения, но и семейные предания.

В 1929 г. Наркомат труда РСФСР обосновал необходимость в ходе реконструкции городов проводить «максимальное форсирование темпов индустриализации и обобществления быта», игнорируя этноконфессиональные особенности. Впрочем, все сибиряки и дальневосточники (горожане и сельчане) оказались оторванными от остального исламского мира, а развитие местной традиции богословия – прерванным. Внимание партийных и советских органов было обращено не только на бывших служителей культа, но и простых прихожан, если они публично не отказывались от религии, а семейный быт не являл «наружу» тщательно скрываемого сакрального.

Исходя из изучения сознания и повседневного поведения, Сибтаткирбюро предложило проводить «комсомольские байрамы», увеселительные и физкультурные мероприятия, читать лекции на темы: «Нужна ли религия рабочим?», «Вреден или полезен Рамазан?». Показателен циркуляр Тобольского уездкома партии всем волостным комитетам и сельячейкам «татаро-башкир» о проведении комсомольского праздника «Ислам» [9, ф. 29, оп. 1, д. 399, л. 1]. Ячейки и кружки ориентированного на мусульман «Дегриляра» во второй половине 1920-х гг. призывали «истребить» религиозные традиции на уровне социума и семьи. На перевод с арабской графики на латиницу и отрыв масс от ислама направлено и

созданное в 1927 г. общество «Яналиф» [1, с. 168], отрицавшего письменность в арабской графике. В след за этим «уходил» и арабский язык из сферы культурной коммуникации.

Организации содействовали и ликвидации неграмотности по-русски. Использовался для антирелигиозной пропаганды «партактив нацмен», например, согласно резолюции их окружного совещания 26.02.1930 г. в Тобольске.

Мусульмане (как и представители других конфессий) пытались защитить обещанные Конституцией права, но встречали сопротивление не только со стороны власти, но соплеменников, «порвавших с опиумом народа». Из их числа – не только выросшие при советской власти, но и бывшие служители культа, занявшие своё место (но временно) в иерархии совслужащих.

Многих служителей культа, в т. ч. официально отказавшихся от служения или недавно переехавших из других регионов СССР, арестовывали, в т. ч. по обвинению в «организации контрреволюционной группировки» (М. Вильданов). Н.А. Арустанов, якобы, «терроризировал коммунистов». Репрессировали за: принадлежность к «Союзу спасения России» (Дж.Р. Кирасирова); «контрреволюционную деятельность» (Н.Ф. Жалилова), участие в «Гаскери Уешма» (Ф. Галямова), «шпионскую деятельность» (З.С. Гайсина) [6, с. 28, 47].

На этом фоне жизнь верующих в зоне КВЖД, находящейся под совместным управлением СССР и Китая, существенно отличалась. Так, уроженец Тобольской губернии А. Ченбаев в письме на родину писал: «возвращаться в СССР не намерен», т. к. в Харбине не только дешёвая товарная база, но и «много татар, много мечетей, магометане свободно отправляют религиозные обряды» [2, с. 225].

Несмотря на репрессии, духовная жизнь в Сибири и на Дальнем Востоке продолжилась, а традиции не прервались, уйдя во «вторую реальность» – в подполье – на уровень семьи. Если в двух «реперных точках» жизни – при рождении и бракосочетании обряды можно провести втайне, то самый консервативный – похоронный требовал публичного обозначения конфессиональной принадлежности (не редко уже только по происхождению) умершего. И в отсутствие «легальных» роль муллы исполнял любой из стариков, знавший молитву и обряды. Содержание общих предметов (например, погребальных носилок) и сооружение хранилищ инвентаря говорит о наличии смотрителей, одновременно исполнявших функции муллы. Власть не препятствовала.

Как не противилась она и инициативе бригадира из юрт Авазбакиевских в 1937 г. Вахитова, перекрывшего новым материалом прохудившуюся крышу мечети (1778), сохранив её. Никто не мог верующим запретить уважать «неофициальных» мулл, воспитывая это и у детей: «Помню, однажды, – рассказывала свидетельница, – начертила на земле "классики" и прыгала из одного в другой. Это увидел мой старший брат Мырзагали. Он строго-настрого запретил мне прыгать возле дома муллы Ердена, говоря, что так нельзя делать, нужно уважать муллу, следует вести себя скромно рядом с его домом» [5, с. 20].

Обыденная жизнь была наполнена множеством прежних традиций и обрядов, не фиксируемых официальной статистикой. Это проявлялось своеобразно – в неявке на работу в дни религиозных праздников. Подобное обнаружено в 1939 г. в ю. Чебургинских (Кукренды).

Полагаем, что у мусульман в выполнении обрядов с жертвоприношением животных в те годы возникали сложности, ведь к 1933 г. количество овец в Западно-Сибирском крае по отношению к 1916 г. снизилось до 62,1 %, поднявшись к 1938 г. (успешному для колхозного строительства) до 94,5 %. Контроль за поголовьем выявил интересную подробность: через год, выясняя причину снижения количества мелкого рогатого скота, власти столкнулись с тем, что в колхозе «Красный казах» Сорокинского района в жертву Аллаху принесли 35 баранов [4]. Это отражалось не только на рационе питания в подобные праздничные дни, но и в установках семейного быта, воспитании детей.

К концу 1930-х гг. окончательно сформировались советское законодательство и система его исполнения, но необходимо иметь в виду: документы любых тоталитарных систем нуждаются в критическом осмыслении, хотя о многом могут рассказать. Любопытна система

вопросов следователей НКВД: «Расскажите, какую контрреволюционную агитацию вели после тарравиха – гаита "Курбан-гаита"..?». На это последовал ответ: «Да, я это признаю, вел контрреволюционную агитацию, говоря, что мероприятия советской власти идут в разрез учению Аллаха, я убежденный законом Аллаха, обязан был читать тарра, призывать массу колхозников против колхозного строя. Результат – у колхозников была расшатана трудовая дисциплина, зачастую не выходили на работу, а в дни богослужения устраивали праздник» [8, д. 7166, л. 72–73].

Разведение общедекларируемого и частного права отразилось на появлении «двойной» нравственной установки и скрываемого в повседневной культуре. Провозглашаемая свобода совести расходилась с реальной практикой, но власть вынуждена принять «публичные» меры по её формальному обеспечению по всему пространству СССР, а не только в Сибири и на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Диньмухаметова Э.Р. Власть и религиозные объединения Тюменского региона в 1920-е годы: обзор ист. источников // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики в первой пол. XIX в.: докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф, посв. 300-летию образования Сибирской губернии. – Тюмень, 2009.
2. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. – Т. 3: Трансформация уммы в XIX – XXI вв. [коллективная монография] / А.П. Ярков (ред.), И.Б. Гарифуллин и др. – М. – 416 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. – Т. 1. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – 716 с.
4. Ишмухаметов З. Курбан-байрам и его реакционная сущность // Омская правда. – 1940. – 18 января.
5. Кабдулвахитов К. Аул Дальневосточной Красной армии // Национальные культуры региона: науч.-метод. и репертуарно-информ. альманах. – Тюмень, 2008. – 212 с.
6. Кокоулин В.Г., Рахматуллина А.Р. Томская мусульманская община: история и современность. – Новосибирск, 2011.
7. Мечети и мусульманские организации Тюменской области. Информ. справочник / авт.-сост. К.Б. Кабдулвахитов. – Тюмень, 2011. – 120 с.
8. Архив РУФСБ по Тюменской области.
9. ГУТО «ГАСПИТО» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области».
10. ГУТО «ГАТО» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».

Информация об авторах

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия, ayarkov@rambler.ru

Information about the author

Yarkov Alexander Pavlovich, is the doctor of historical sciences, the leading expert of Expert scientific center of counteraction of ideology of extremism and terrorism of the Tyumen state university, Tyumen, Russia, ayarkov@rambler.ru